

Монах

Автор:

Григорий Веский

Монах

Григорий Веский

История романтической любви монаха к девушке, которая коренным образом изменила его жизнь в монастыре.

Григорий Веский

Монах

Прими, читатель мой, писанье,

Которым втайне дорожу.

Готов услышать нареканье,

Но таково воспоминанье...

Суровой истине служу.

Пролог

Моя история о том,

Какие есть мечты на свете,
О нечестивом, о святом,
О снах желанных на рассвете.
Один особенно хорош;
Рассказ ему я посвящаю,
Он на другие не похож,
Его с улыбкой провожаю.
Я по призванию - поэт,
Без притязаний и амбиций,
Не отступаю от традиций,
Мне в радость просвещения свет.

* * *

Передо мною край надежд,
Смиренья, чести благородной...
Не для попытки он бесплодной,
Не для законченных невежд.
Там всё свободой дышало,
Напоминало, право, рай,
Любви там сердце трепетало,
Там слов не вымолвить: Прощай...

* * *

Восход заметно отличался

Непревзойдённой красотой,
В нём ангел праведный купался
На редкость с чистою душой.
И день как девы отраженье:
Высокой, стройной, молодой,
Где каждый черпал вдохновенье,
Стремился к музе на постой.

* * *

Закат безумно восхищал
Игрой живою, ежечасной;
Так сердце греет идеал
Своей улыбкой сладострастной.
Великолепье замыкала
Ночная прелесть тишины...
Природа будто отдыхала;
По слухам вещие там сны.
Там в торжестве великих дум
Источник бил благоволенья,
Там пробуждался спящий ум,
Там гений жаждал утвержденья!

* * *

Попавший в те места, бывало,

В священный верил ритуал,
Ему чего-то не хватало...
Быть может, истины начало
Умом невольно познавал?
Но коль встречался кугуар,
То от его уже оскала
Кровь в жилах тут же застывала,
Исчезнуть мог и речи дар.
За ним как будто бы следили,
Не отпуская ни на шаг;
Здесь интуиция – маяк,
Его огни ему светили.
Там будто в поле подозренья:
Врага бесшумные шаги,
Как чёрной магии круги;
Там далеко до примиренья.
Творилось нечто да такое,
Что даже трудно описать!
Не находил уже в покое
Ту, прежде, божью благодать.

* * *

Бунтарь особенно опасен,
Когда из крайности одной

Переметнётся он к другой...

Туманен взор его, неясен.

* * *

Он шёл вперёд, пути не зная,

Себя нисколько не щадил,

Но над опасностью шутил,

В блаженстве дивном утопая.

Казался с виду отрешённым,

Дав благочестию обет,

Духовно твёрдо убеждённым

В грядущем шествии побед.

То, странно, вдруг преобразался,

Дыша прерывисто, хрипя;

Сказать готов, похоже, я:

Чего-то искренне пугался...

Его надежда покидала,

Лишая разума на миг;

Его как будто в гроб вгоняла,

Себя ведёт он как старик.

Мечта заветная для многих

Реализуется во снах,

В обмане сладком, на пирах:

Там не до правил часто строгих.

* * *

Там вызывали слёзы... дали;
Их невозможно удержать,
И впрямь по ним должны скучать,
Надолго их запоминали.
И вот они в воспоминаньях:
Долины, реки и леса,
Творились будто чудеса —
В их, смысл жизни, очертаньях.
Такие чувства навевали
Края таинственные те;
По ним не раз в сердцах вздыхали;
Но, памятуя о тщете,
На случай всё же уповали.

* * *

Среди высоких снежных гор
Сей монастырь в тиши таился
Не как судьбе немой укор;
О, взор чужой к нему стремился!
То было чудо из чудес;
То воплощение Афины,
А к ней особый интерес —
На то серьёзные причины!

Широкой каменной стеною
От искушений ограждён;
Мораль здесь задавала тон,
Затмив греховное собою.
Был не забыт, по счастью, Богом,
Храним от зависти людской;
Давно к святым его порогам
Тянулся страждущий душой.

* * *

Нередко в буйных головах
Идеи мечутся шальные;
Они порой наводят страх
Своим свечением в глазах
(Так часто выглядят... больные).
Присуще каждому сомненье;
Не всем дано познать покой;
Дарил он щедро отрешенье,
Красе потворствуя земной.

* * *

Нет, не по слухам эфемерным
Себя вниманьем окружил,
Дух справедливости царил,

Не место там поступкам скверным.

Однообразной, монотонной

Та жизнь монахов не была —

Она, на гибель обречённой

Среди неверующих слыла.

Врата дубовые в металле

Изображали путь Христа...

Тут фарисеи угрожали;

Их обвиненья разделяли,

Казалось, даже неспроста.

Мираж тернового венца,

Как призрак грозный наказанья,

Изведав силу покаянья,

Держал в покорности сердца.

В себе соблазны подавляя

(Во вред мирские словеса!)

Плоть беспощадно усмиряя,

Бросали взор на небеса.

Им представлялось сновиденье:

Они в кругу своих друзей,

А Бог дарует всем прощенье,

Он призван для счастливых дней.

Пророки, впрочем, терпеливо

Своих монахов берегли;

Как пастухи овец ревниво

С любовью нежною пасли.
К разгульной жизни – интерес,
Скажу, молитвы притупляли,
Их многократно повторяли;
Всё ж одного коснулся бес.

* * *

Монах, тем бесом совращённый,
Того не ведал, что творил,
Но по упрямству убеждённый,
Считал, что праведностью жил.
Ложился он с заходом солнца,
Изведал тяготы труда,
Сидел часами у оконца,
Приливы чувствуя стыда.
Он слушал проповеди вяло;
Что предвещал грядущий день? —
Едва лишь только рассветало
Бродил по келье словно тень —
Одолевали ведь сомненья...
Надеждой душу согревал,
Приятны стали наважденья,
Хотя умело их скрывал.
Какие видел он картины?

Быть может, дальние края?

Иные зреют для чужбины,

Для изнуряющей кручины...

Здесь уточнять не стану я.

Хочу напомнить о морали,

Хочу сказать: Всё это сон!

О, нет конца моей печали...

Я сам немало удивлён.

В нём измененья проявлялись,

Но их в себе не замечал,

Их не на шутку опасались,

(О том монах не раз слышал.)

* * *

Шли тихо годы заточенья.

Где опыт жизненный его?

Всю глубину опустошенья

Он не изведал своего.

Он вёл себя богоугодно:

Иконы, чётки перед ним...

Сентиментальностью раним,

В нём чувство долга превосходно.

* * *

Не стану клясться головой,
Помог ли тут обычный случай?
Рассказ, читатель, слушай мой,
Себя догадками не мучай.

* * *

Так вот, несчастного, она
(Стрела дана не зря Амуру)
Лишила ангельского сна;
Как тут не вспомнить времена,
Когда прекрасную Лауру
Петрарка воспевал в стихах,
Её взываю к жизни прах...
Я говорю её словами,
Она как будто бы меня,
Целует жаркими устами...
Но перейду, пожалуй, я
К своей истории начальной
(Назвать её нельзя банальной)
На то достаточно причин;
Их, несомненно, я открою
С манерой чисто деловой;
Потрачу вечер не один,
Коль надо, я, на пояснение.

Во мне искать ли самомнение?

* * *

Монах естественней казался,
В её отсутствие грустил,
Открыто чувствам предавался,
Боюсь сказать, что... полюбил.
То ли от жизни он устал?
Иль жертвой стал воображенья?
Но только Бог чего-то ждал,
Чтоб суть рассеять заблужденья.

* * *

Ах, там, где водятся плуты,
Обычно боли головные;
Их трудно разгадать финты;
Насмешки, хоть и озорные,
Невольно могут оскорбить.
Их мимоходом обронить
Способен каждый к сожаленью;
Ответ звучит по настроенью.

* * *

Слепец прозреет постепенно...

С него покров сняла она;
Стал понимать, что жизнь бесценна
И, что печально, лишь одна!
В браваде глупой он своей
Изображал себя героем;
Не представлял себя изгоем
До наступленья тяжких дней.
Под впечатлением виденья
В ночи он часто бормотал,
Ловил часы уединенья,
Дрожа всем телом от сближенья,
Но перед ним не отступал.

* * *

Сурово море бытия!
Оно несёт погибель многим,
И он пошёл путём пологим,
Надеждой светлую живя.
Не отвергая всё земное,
Заблудший, тешился мечтой...
Он взором небо голубое
Ласкал улыбкою чудной.
Ещё одно, увы, несчастье
Он мимоходом приобщил:

D'Anjou будило в нём пристрастие;

(Чертю стыда переступил.)

Вино не только расслабляло;

По волшебству оно впервой,

Похоже, совесть заглушало,

Мажорный подарив настрой.

В нём зарождался вкус гурмана,

Стремился к тайне женской он...

Играя часто роль султана

(Он содержанье знал корана),

Не рассуждал как Цицерон.

Он не испытывал тревоги

За вольнодумие своё;

Ему привиделись чертоги,

Где обитали полубоги

В бесценном образе её.

* * *

Свою любовь, ища впотьмах,

(Не утаить в мешке ведь шила)

Преображался на глазах,

Повёл себя как вертопрах;

Его всё это не смутило.

Так становясь вернейшим другом

Веселья, женщин и вина,
Связал себя порочным кругом,
Где лишь фантазия одна.
С улыбкой хитрой донжуана
От счастья птицею порхал,
Но голос разума молчал —
Другого нет как будто плана.
В таком, известно, состоянье
Грехов уже не перечесть...
Я ж перейду на одеянье,
Приметы скромности в нём есть.

* * *

Одежда словно балахон;
Был дан пример тут прилежанью;
На жизнь он не был обозлён:
Её он выбрал по призванью!
Узлы на поясе его;
Значенье их неоспоримо,
В нём отражается незримо
Цель достижения. Оттого,
Надежды часто окрыляли.
Известно, как они влияли!
А как же с обувью своею?

Была удобной и простой;
На шее крестик золотой;
К нему я, словом, тяготею!

* * *

Зло ворожбы он отвергал,
Был не похож на шарлатана,
А так же и на интригана,
Он то, что думал, излагал.
Но мог, кому доверить он
Свои душевные сомненья?
Идущим к Богу на поклон

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/veskiy_grigoriy/monah

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)